
НИЗШИЙ КЛАСС В РОССИИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАМЕДЛЕНИИ ПРОЦЕССА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Ю.П. Лежнина

Статья посвящена анализу возможностей социально-экономической политики России купировать процесс воспроизводства и расширения низшего класса. Обосновывая актуальность именно государственных мероприятий социальной политики, автор указывает на наиболее перспективные ее направления: территориальное, отраслевое и ведомственное. Текущая государственная социально-экономическая политика выполняет, по большей мере, гуманитарные функции, не препятствуя воспроизводству низшего класса, и направлена на функционально грамотных россиян, доля которых в составе этой части населения очень мала. Изменение ситуации возможно за счет активных мер, в первую очередь экономического и социально-экономического характера – в системе образования, а также организации и охраны труда.

Ключевые слова: низший класс, андеркласс, социально-экономическая политика

Проблема формирования низшего класса в России, в отличие от бедности, никогда не входила в число приоритетов государственной социальной политики. Более того, она по большей мере рассматривается как теоретическая проблема, разработка которой не позволяет решать конкретных вопросов, стоящих перед социальным государством. Для России практическая значимость проблематики низшего класса, на первый взгляд, еще более туманна в условиях остроты вопросов бедности и малообеспеченности, которые свойственны практически половине населения страны [Малообеспеченные... 2008]. Подобная позиция кажется вполне

Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому проекту № 09-03-00538а, выполняемому при поддержке РГНФ.

оправданной, если рассматривать «низший класс» как социальную группу с определенной спецификой образа жизни – так называемой «культурой бедности» [Murray, 1990; Nathan, 1989] и акцентировать внимание на решении проблемы самой бедности. Однако опыт изучения низшего класса свидетельствует о существовании альтернативного подхода к его определению, а именно – выделение низшего класса на основе специфических структурных позиций индивидов, которым свойственны эпизодический характер производственной деятельности или отсутствие ее, занятость на вторичном сегменте рынка труда и, как следствие, нестабильность и без того низких доходов [Wilson, 1987; Magnet, 1993; MacDonald, 1997; Buckingham, 1999; Bullen & Kenway, 2004; Тихонова, 2011].

Такая трактовка понятия «низший класс», а именно она и будет использоваться в рамках данной статьи, позволяет иначе оценить практическую значимость разработки этой проблематики: становится очевидно, что значительная доля испытываемых населением деприваций, выраженных как в материальных благах (например, доходах, имуществе), так и в нематериальной форме (например, доступ к занятости, в том числе эффективной, стабильной), связана с существующей в обществе системой социально-экономических отношений, формирующих его социальную структуру и набор структурных позиций. Это означает, что появление в российском обществе ранее отсутствовавшего в нем низшего класса сопряжено с процессом формирования новой модели социальной стратификации в процессе перехода к рыночной экономике (как и в ряде других стран, переходящих от плановой экономики к рыночной [Domanski, 2002; Stenning, 2005]), что требует формулирования новых подходов и в социальной политике, которые стали уже привычными в таких странах, как Великобритания или США [Например: Daguette, 2008; Prideaux, 2010]. Именно поэтому попытки осмыслить причины формирования и условия существования низшего класса в современной России приводят к выводу о необходимости государственного регулирования системы социально-экономических отношений для торможения процессов формирования и расширения низшего класса, на основе которого развивается, в том числе, и застойная бедность [Тихонова, 2010 а, Тихонова, 2010 б]. При этом как социально-экономическая значимость данной проблемы, так и причины формирования низшего класса заставляют, несмотря на общий тренд движения к смешанной экономике социального благосостояния [Кларк, 2011], обратить большее внимание именно на «государственную» его составляющую. Насколько же представители низшего класса или социальной базы его формирования включены сегодня в России в число объектов социальной политики как «государственной», так и «частной»?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо определить некоторые особенности российского низшего класса. В рамках на-

шего исследования для этого был использован массив репрезентативных общероссийских данных, полученных в ходе проводившейся в 2008 году 17 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ) – национального репрезентативного опроса, проводимого для мониторинга влияния реформ на здоровье и экономическое положение индивидов и домохозяйств в Российской Федерации (о принципах построения выборки РМЭЗ см.: [Козырева, Косолапов, Сваффорд, 1999], выборка трудоспособного населения в возрасте 18 лет и старше в 2008 году составила 5 800 человек).

Основные характеристики низшего класса

Учитывая выбранный подход к определению низшего класса через характеристики занимаемых его представителями структурных позиций, связанных с характером их производственной деятельности, к его числу нами были отнесены только трудоспособные россияне (включая работающих пенсионеров, но исключая школьников, студентов, находящихся в декретном отпуске, отпуске по уходу за ребенком, домохозяйек) не младше 18 лет, не являющиеся работниками умственного труда и имеющие образование не выше среднего специального. При этом их работа, по их мнению, не должна была требовать никакого профессионального образования. В число представителей низшего класса также включены безработные. Дополнительным и очень важным «фильтром на попадание» в состав этого класса выступала принадлежность к бедным слоям. При этом бедность учитывалась как с точки зрения абсолютного (относительно регионального прожиточного минимума), так и с точки зрения депривационного (относительно наличия того или иного количества деприваций¹) подходов, а также по их совокупности (путем объединения выделенных подмножеств и их пересечения). В итоге в состав так называемого «ядра низшего класса», то есть тех, для кого фильтр по бедности выполнялся в наиболее жестком варианте – в рамках и депривационного, и абсолютного подходов – вошли 5 % трудоспособного населения страны, в собственно низший класс, то есть тех, для кого соблюдался хотя бы один из фильтров по бедности при соблюдении всех остальных критериев, – 14 % трудоспособных россиян. Стоит отметить, что в рамках данной статьи рассматривается формирование низшего класса на основе бедных, в то время как масштабы этой проблемы более широки, так как низший класс образуется одновременно на основе как бедных, так и малообеспеченных слоев населения. Намеренное сужение базы формиро-

¹ Подробнее о выделении групп бедных в рамках различных подходов и эвристических возможностях абсолютного и относительного подходов к бедности в российских условиях см. в работе Н. Тихоновой и Е. Слободенюк: [Тихонова, Слободенюк, 2011].

вания низшего класса позволяет наиболее ярко продемонстрировать особенности социально-экономической политики в этой сфере.

Представители низшего класса практически не отличаются по возрасту от тех россиян, кто не входит в их число – для них медианный показатель возраста равен 40 годам (38 годам для ядра), в то время как для остальных россиян – 39 лет. Для трудоспособного населения, не входящего в состав низшего класса, характерно проживание в зарегистрированном браке (56 %), хотя этот тип семейного положения свойственен менее чем половине представителей низшего класса (47 % и 43 % для его ядра). При этом среди них больше одиноких (23 % и 25 % в ядре низшего класса при 20 % для остального населения) или живущих в «гражданском браке» (14, 13 и 9 % соответственно).

Более половины (57 %) представителей низшего класса (и 65 % его ядра) проживают в семьях с иждивенческой нагрузкой не менее 50 % членов домохозяйств. Для остального трудоспособного населения этот показатель менее 1/3 (27 % для не входящих в низший класс). Представители низшего класса в целом так же часто, как и остальное население, имеют детей – в 71 и 73 % случаев соответственно (однако, для ядра низшего класса этот показатель несколько ниже – 66 %). При этом количество детей, в том числе младше 18 лет, в семьях трудоспособного населения (в среднем 1,67 и 0,69 соответственно) несколько меньше, чем у представителей низшего класса (1,83 и 0,74 соответственно) и, тем более, у ядра низшего класса (2,06 и 0,95 соответственно), что аналогично ситуации, наблюдаемой в развитых странах, которые раньше России столкнулись с проблемой формирования этого социального слоя и относительно высокой рождаемости в нем. Соответственно для нашей страны актуален не только вопрос формирования низшего класса, но и его самовоспроизводства, так как в условиях ограниченности ресурсов даже при наличии желания низший класс не может обеспечить более высокие структурные позиции своим детям, особенно если их несколько.

В силу особенностей выделения данной группы не удивительно то, что значительная часть ее представителей является работниками простого труда, более существенно – что и их образовательный уровень очень низок. Так, незаконченное среднее образование имеют 39 % представителей ядра низшего класса и 28 % в низшем классе в целом.

И для ядра, и низшего класса в целом характерны показатели среднедушевого дохода не просто ниже прожиточного минимума, что задавалось в большинстве случаев самой методикой его выделения, но и очень сильно отстают от этого уровня (рис. 1). При этом медианный показатель индивидуального дохода для них также не достигает его, хотя это условиями отнесения к низшему классу не предусматривалось. Для остального трудоспособного населения показатели дохода в 3,5 раза выше, чем для его ядра, и в 2 раза выше, чем в целом для низшего класса.

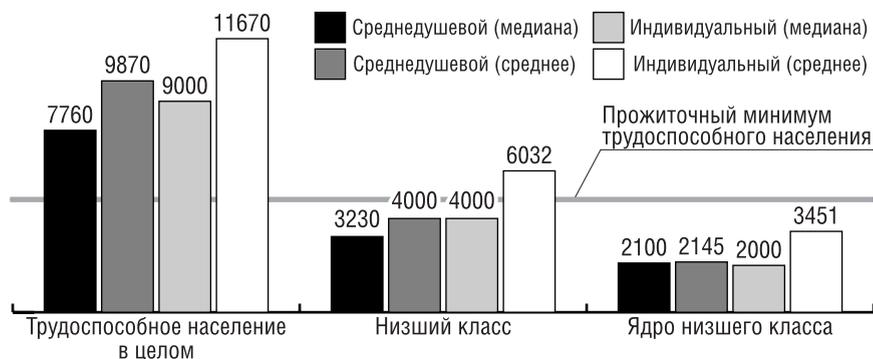

Рис. 1. Доходы различных групп населения (РМЭЗ, 2008, руб.)

Низший класс в России имеет тенденцию к концентрации в сельской местности, а его ядро сосредоточено в сельской местности даже на 2/3. В связи с этим для снижения рисков формирования и расширения низшего класса достаточно эффективной может быть территориальная социально-экономическая политика, препятствующая появлению своеобразных «гетто» для низшего класса в российской глубинке, которая сегодня практически не реализуется.

Стоит отметить, что сегодня в России и бедность, и попадание в низший класс не является отличительной особенностью именно неработающего населения. Так, половина ядра бедных (выделенных по обоим подходам к бедности – абсолютному или депривационному одновременно) и 62 % бедных в целом вовлечены в занятость. При этом включенность низшего класса в деятельность на рынке труда несколько ниже – 46 % у его ядра и 55 % у низшего класса в целом. Настолько значительная представленность работающих в составе низшего класса свидетельствует о возможностях и необходимости регулирования процесса его формирования через систему мероприятий государственной социально-экономической политики в сфере занятости, в частности – установления минимальных почасовых тарифов оплаты труда и жестком контроле за их соблюдением.

Наиболее часто низший класс формируется на базе работников таких отраслей, как сельское хозяйство и сфера торговли. В них заняты 17 и 16 % ядра низшего класса. При этом для низшего класса городов точкой локализации выступает сфера торговли – в ней заняты 21 % представителей его ядра (по 19 % также в сфере услуг ЖКХ и легкой и пищевой промышленности) и 28 % низшего класса в целом. В сельской местности около 1/4 представителей низшего класса заняты в сельском хозяйстве. При этом для низшего класса из сел и ПГТ в число трех наиболее свойственных ему сфер занятости входят также сфера торговли и бытового обслуживания, и наука и образование, а для городов – строительство и легкая промышленность.

Рис. 2. Отраслевая структура занятости представителей низшего класса (РМЭЗ, 2008, %)

Примечание: На рисунке представлены не все сферы занятости.

Таким образом, в целом городской и сельский низший класс формируются на базе работников различных отраслей: для сел и ПГТ – это сельское хозяйство, а для городской среды – сфера торговли и бытового обслуживания. Однако сфера торговли и бытового обслуживания, для которой вообще свойственно широкое распространение занятости на вторичном рынке труда, является общим для всех типов поселений базисом формирования низшего класса. Подобная отраслевая концентрация низшего класса свидетельствует о перспективности для снижения темпов и масштабов формирования низшего класса разработки мероприятий в сфере государственного регулирования отраслевой политики занятости, в первую очередь, в части трансформирования позиций занятости на вторичном рынке труда, например, за счет обеспечения базовых трудовых гарантий на рабочих местах.

Социальная поддержка низшего класса: негосударственные («частные») ресурсы

Реализация мер социальной политики осуществляется, однако, силами различных агентов: от государства до семьи. Несмотря на то, что органы государственной власти в России редко апеллируют к необходимости оказания поддержки социально незащищенным слоям населения силами родственников, сегодня весомый поток трансфертов направляется россиянам именно членами семьи, в первую очередь родителями и детьми. Так, почти вся оказываемая представителям низшего класса безвозмездная помощь вне системы прямых государственных трансфертов (льгот, субсидий, пособий и гарантий) производится именно родителями и детьми (табл. 1). Так как в составе низшего класса среди пенсионеров рассматриваются только работающие, то факт возложения нагрузки по помощи

представителям низшего класса на плечи детей свидетельствует о том, что трудоспособные дети зачастую вынуждены помогать трудоспособным же родителям в силу их особо бедственного положения. Эта ситуация стимулирует отток и без того ограниченных ресурсов части трудоспособного населения в пользу родителей, однако и это не способно, как видим, изменить их положение – столь велик у них дефицит текущего дохода.

Таблица 1

**Получение помощи от различных агентов
(РМЭЗ, 2008, % от получавших)**

	<i>Ядро низшего класса</i>	<i>Низший класс</i>	<i>Остальное трудоспособное население</i>
От родителей	65	57	62
От детей	22	12	12
Церковь и т. п. организации	5	3	1
Социальные органы	0	2	3
Другие организации	0	3	4
Друзья	8	14	15
Вообще получали помощь	24	23	23

Ресурсы социальных сетей низшего класса, впрочем, вообще достаточно ограничены: только для 8 % получавших помощь представителей ядра низшего класса она исходила от друзей, хотя в не входящих в состав низшего класса слоях населения ее получали 15 %.

Помощь от социальных органов и некоммерческих организаций также зачастую минует представителей низшего класса: только 9 % получателей трансфертов от социальных органов составляют представители низшего класса, в то время как среди просто бедных россиян этот показатель составляет 53 %. Здесь стоит отметить, что доступность подобного типа помощи сопряжена с наличием информации о ней, а соответственно, с функциональной грамотностью тех слоев населения, которым она предназначена. Низкая способность представителей низшего класса разобраться в бюрократических вопросах зачастую ухудшает возможности получения тех или иных благ от социальных органов и НКО, на которые они могут претендовать.

Относительно меньшая функциональная грамотность, то есть ограниченная способность функционировать во внешней среде и адаптироваться к ней, характеризует представителей низшего класса и в отношении базовых трудовых гарантий, которые предоставляются в основном через предприятия-работодателей. Стоит отметить в этой связи, что

более 51 % работающих представителей низшего класса (47 % его ядра) заняты на государственных предприятиях, где законодательство, в том числе трудовое, обычно соблюдается – особенно если работник настаивает на соблюдении своих прав. Как же обстоят дела с основными трудовыми гарантиями, предоставляемыми работникам на государственных и негосударственных предприятиях?

Таблица 2

Базовые трудовые гарантии работникам государственных и негосударственных предприятий (РМЭЗ, 2008, %)

	<i>Низший класс</i>		<i>Остальное занятое население</i>	
	<i>Государственные предприятия</i>	<i>Негосударственные предприятия</i>	<i>Государственные предприятия</i>	<i>Негосударственные предприятия</i>
Официальная занятость	98	77	99	92
Предоставление оплачиваемых отпусков	95	67	99	82
Предоставление оплачиваемых больничных	95	61	99	77
Оплата отпуска по беременности	85	45	88	59
Бесплатное лечение	15	7	29	12
Оплата путевок в санатории	19	9	38	12
Бесплатные дошкольные учреждения	4	1	7	2
Льготное питание	7	8	11	11
Дотации на транспорт	9	6	14	12
Обучение за счет предприятия	11	7	30	14
Ссуды, кредиты	4	3	7	5
Оплата аренды жилья	2	1	2	1

Безусловно, базовые права и социальные льготы, такие как официальное оформление на работу, оплачиваемые отпуска и больничные листы, предоставляются представителям низшего класса государственными предприятиями в большей мере, чем частными, хотя и там каждый двадцатый их не имеет. При этом остальное трудоспособное население даже в случае занятости в частном секторе получает эти базовые социальные блага в значительно большей мере, чем представители низшего класса. Несколько хуже выглядит ситуация с оплатой отпусков по беременности и родам. Остальные льготы и привилегии пре-

доставляются предприятиями работникам вообще в значительной меньшей степени, а представителям низшего класса – в разы реже, чем остальным работникам, хотя работники государственных предприятий получают их все-таки в большем объеме по сравнению с работниками частного сектора (табл. 2).

Это означает, что либо представители низшего класса не включены в ядро трудовых коллективов и не имеют доступа к этим привилегиям, либо они не обладают достаточной информированностью и функциональной грамотностью для реализации права на получение этих льгот, либо работают сразу оба этих фактора. В итоге только половина низшего класса охвачена мерами социальной политики, реализуемыми по линии предприятий. Для остальных же ведомственный канал предоставления социально-экономической поддержки малоэффективен. Меры же инвестиционного характера, такие как повышение качества человеческого капитала работников: их обучение и поддержание здоровья – распределяются таким образом, что представители низшего класса значительно реже остальных работающих входят в число их получателей даже в рамках одних и тех же типов населенных пунктов и отраслей. Одним из редких исключений из этого правила является бесплатное предоставление медицинских услуг работникам сельского хозяйства, которое чаще получают представители низшего класса, а не остальных работающих. Однако стоит отметить то, что в данном случае представители низшего класса зачастую входят в состав ядра предприятий, обеспечивая их функционирование, и именно поддержка состояния здоровья, а не уровня квалификации является более критичной для тех, кто занимает данные структурные позиции, связанные, в первую очередь, с физическим трудом.

Насколько продуктивно в этих условиях государство как субъект социально-экономической политики? Эффективно ли происходит реализация соответствующих функций в отношении низшего класса? Ведь в силу того, что возникновение низшего класса в России – процесс, связанный с формированием социальной структуры общества в целом в реалиях перехода к рыночной экономике, именно государство выступает основным агентом социально-экономической политики, способной предотвратить его если не формирование, то расширение. При этом набор необходимых на государственном уровне мероприятий включает гуманитарные, компенсаторные и инвестиционные механизмы.

Государство как субъект социальной политики в отношении низшего класса: гуманитарный аспект

Гуманитарный аспект социально-экономической политики связан с оказанием поддержки тем слоям населения, которые самостоятельно не могут себя обеспечить. В их число в первую очередь входят пен-

сионеры, включая инвалидов, и дети. Социальные пособия, выплачиваемые им в виде пенсий и пособий на детей, в последние годы активно индексировались и увеличивались относительно прожиточного минимума, отдельные из них достигли уровня более 3/4 прожиточного минимума: в 2009 году размер базовой части трудовой пенсии по инвалидности III степени достиг 88,7 % от прожиточного минимума, а ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за вторым и последующими детьми до достижения ими возраста полутора лет – 77,1 % от этого показателя. Активные индексации этих пособий стали неотъемлемыми мероприятиями реформы системы пенсионного обеспечения и демографической политики.

В итоге доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума колебалась от 21 до 34 % в период с 1992 по 2000 год, а в период экономического роста, по большей мере именно за счет индексаций основных социальных пособий, снизилась с 29 % в 2000 году до 13 % в 2008 году.

Однако сами пособия не всегда достигают адресатов из числа низшего класса. Так, согласно данным РМЭЗ за 2008 год, из 1/3 представителей низшего класса (38 % для ядра низшего класса и 23 % для остального трудоспособного населения), которые имели право получить пособия на детей, только 80 % получали их (89 % для ядра низшего класса и 81 % для остального трудоспособного населения).

В целом около 1/5 всех средств, идущих на цели социальной политики, направляется государством на различного рода выплаты, связанные с демографической политикой: пособия на детей, выплаты по беременности и родам. При этом после весьма заметного провала в финансировании этого направления социальной политики к 2005 году наблюдается восстановление интереса к нему и увеличение соответствующих государственных расходов (см. табл. 3). Однако сама политика назначения пособий на детей не способствует решению проблемы предотвращения воспроизводства и расширения низшего класса в России. Размер пособия на детей в возрасте до 1,5 лет значительно выше аналогичного пособия на детей в возрасте более 1,5 лет: в среднем они составляют 2 078 и 712 рублей соответственно (соответствующие медианные значения равны 1 200 и 240 рублей). Таким образом, социальные пособия на детей могут выступать некоторой поддержкой семей низшего класса с маленькими детьми, но не являются таковыми для семей с детьми старшего возраста. Подобная политика назначения пособий на детей в большей степени направлена на улучшение ситуации с рождаемостью, но не решает проблемы воспроизводства низшего класса, так как его представители не могут дать своим детям лучшее по сравнению со своим образованием и подготовить к принципиально иным структурным позициям – ведь этот процесс требует дополнительных ресурсов на образование детей.

Таким образом, механизмы государственной поддержки российского населения распространяются и на представителей низшего класса, однако соответствующие мероприятия не решают вопроса торможения процесса его формирования, а лишь несколько облегчают жизнь некоторой части этой социальной группы. При этом получение даже базовых социальных гарантий от государства наиболее уязвимыми социальными группами реализуется лишь некоторыми из них в силу низкой функциональной грамотности, характерной для низшего класса в целом.

Одним из свидетельств низкой функциональной грамотности низшего класса в России является ситуация с монетизацией льгот, то есть денежными выплатами взамен натуральных льгот – бесплатных лекарств, проезда в общественном транспорте. Трудоспособное население, не входящее в состав низшего класса, получает эти выплаты в 20 % случаев, в то время как для зоны формирования этот показатель равен 13 %, а его ядра – только 9 %. Безусловно, в ряде случаев получение натуральных льгот более эффективно, нежели выплат по ним, но подобные ситуации сопряжены либо с плохим состоянием здоровья (льготы на лекарства и медицинское обслуживание), что в российских условиях чаще наблюдается у населения старше трудоспособного возраста, либо необходимостью частого использования общественного транспорта (при удаленности места работы от места проживания). Для низшего класса, в составе которого рассматривается только трудоспособное население и значительную часть которого составляют безработные, использование этих льгот менее оправдано. Соответственно, их сохранение связано с неспособностью либо оценить этот факт, либо реализовать замену натуральных льгот денежными выплатами.

Реализация государством компенсаторных функций социальной политики и низший класс

В связи с низкой функциональной грамотностью представителей низшего класса также затруднено выполнение по отношению к ним компенсаторных функций социальной политики государства, то есть поддержки граждан, которые в силу тех или иных обстоятельств временно оказались в неблагоприятной жизненной ситуации. Один из существующих сегодня механизмов социальной поддержки населения (гуманитарного и компенсаторного характера) – предоставление льгот и субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг. Субсидии по оплате услуг ЖКХ предоставляются тем гражданам, для которых стоимость коммунальных услуг превышает величину, соответствующую максимально допустимой доле расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи. Получателями же льгот по оплате услуг ЖКХ являются в основном ветераны: труда, войны, ликвидаторы катастроф, то есть граждане, для которых осуществляемые выплаты носят не столько характер социальной

поддержки, сколько позволяют отдать дань их социально значимым услугам. Согласно данным государственной статистики (см. табл. 3), в 2008 году около 9 % всех социальных расходов были направлены на предоставление льгот и субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг. При этом большая часть этих расходов направляется на льготы, а не на субсидии, то есть в значительной степени минует низший класс. Льготы по оплате жилья и коммунальных услуг получали только 9 % представителей ядра (12 % в городах и 7 % в сельской местности) и 12 % – низшего класса в целом (17 % в городах и 8 % в сельской местности). При этом для остального трудоспособного населения этот показатель был равен 18 %. Средний размер льготы по оплате коммунальных услуг для низшего класса был при этом около 400 рублей (медианный показатель для низшего класса – 466, для ядра низшего класса – 400 рублей).

По данным РМЭЗ за 2008 год, за субсидиями по оплате коммунальных услуг обращались только 11 % (11 % в городах и 10 % в селах и ПГТ) представителей низшего класса (как и ядра низшего класса). При этом только 43 % из обратившихся (50 % в городах и 39 % в селах и ПГТ) ядра низшего класса и 57 % низшего класса в целом (58 % в городах и 55 % в селах и ПГТ) получили эти субсидии. Таким образом, низший класс как группа, на которую направлены эти государственные гарантии, с одной стороны, плохо осведомлен о существовании соответствующих компенсаций, а с другой стороны, в большинстве случаев не способен реализовать свое право на них, в том числе – и в силу уже упоминавшейся низкой функциональной грамотности.

На остальные виды социальных пособий, целью которых является компенсация потерянных в связи с каким-либо жизненным событием возможностей населения, включая пособия по безработице, направляется чуть более 20 % всех расходов государства на социальную поддержку населения, большая часть из которых – пособия по временной потере трудоспособности, то есть в связи с получением производственных травм и т. п. происшествий. При этом все меньший объем ресурсов год от года затрачивается на поддержание классических представителей низшего класса – хронических безработных. С одной стороны, это связано с тем, что уровень безработицы за последние 10 лет в целом существенно снизился: с 11 % в 2000 году до 6 % в 2008 году [Официальный сайт...]. С другой стороны, государственная политика поддержки безработных весьма скромна: индексация пособия по безработице на протяжении последних лет происходила не настолько интенсивно, как индексация пенсионных выплат и других базовых социальных гарантий. В связи с этим минимальный размер пособия по безработице в 2010 году составил 850 рублей или 14 % от прожиточного минимума трудоспособного населения (6 070 рублей на 2 квартал 2010 года). При этом он не изменился с 2009 года и лишь на 9 % выше пособия по безработице уровня 2008 года (3 124 рубля) и на

Таблица 3

Расходы на выплату пособий и социальную помощь (Росстат, %)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Пособия по временной нетрудоспособности	32,8	42,3	49,2	48,7	49,8	49,1	20,7	17,4	16,6	16,2
Семейные и материнские пособия	54,4	34,4	35,1	34	32,6	31,9	14,7	12,4	18,9	20,1
Выплаты отдельным категориям граждан	54,3	51,2	45	46,8
Субсидии и льготы на оплату жилья и коммунальных услуг	6,6	9,5	9
Помощь гражданам, пострадавшим вследствие катастроф на АЭС и т. п.	0,7	5,1	5,1	4,2	4,1	4,4	1,7	1,2	2,3	0,8
Пособия и материальная помощь безработным	10,1	8,1	7,3	8,2	9,2	9,9	5,2	4,2	2,5	1,9
Социальные пособия на погребение	1,8	1,9	1,8	1,4	1,2	1,2	0,6	0,3	0,2	0,2
Другие виды пособий и социальной помощи	0,1	8,2	1,5	3,5	3,1	3,4	2,8	6,7	5,1	5

18 % – уровня 2005 года (2 880 рублей), что значительно ниже наблюдавшейся в стране за этот период инфляции. Максимальный размер пособия по безработице в 2009 и 2010 годах составил 4 900 рублей.

Поддержка безработного населения – весомый вклад в замедление процесса формирования низшего класса, так как 45 % представителей низшего класса говорят о том, что у них сейчас нет работы. При этом только 10 % неработающих зарегистрированы в службе занятости, получает же при этом пособия по безработице еще меньшая их часть – согласно данным РМЭЗ, среди представителей низшего класса только 3 % и 4 % его ядра говорят о том, что пособия по безработице входят в состав доходов их домохозяйств.

Размер получаемого представителями ядра низшего класса пособия по безработице в среднем составляет 940 рублей (870 рублей – медианный показатель) и 1 486 рублей для низшего класса в целом (1 010 рублей – медианный показатель). Эта разница по большей мере объясняется существующей системой определения размера пособий: чем продолжительнее состояние безработицы, тем ниже размер соответствующих трансфертов, а для ядра низшего класса состояние отсутствия занятости чаще носит системный, хронический характер. Для представителей его ядра средняя продолжительность периода безработицы составляет 4,05 лет, а для низшего класса в целом – 3,82 года. Сразу же выйти на работу представители низшего класса готовы, если им предложат зарплату в 10 000 рублей (медианный показатель также для его ядра), что менее чем в 2 раза выше установленного на период проведения опроса (4 квартал 2008 года) прожиточного минимума для трудоспособного населения (5 086 рублей).

Большая часть неработающего низшего класса – 73 % (и 76 % его ядра) ищут работу. Наиболее распространенными стратегиями поиска работы для этой социальной группы является обращение к друзьям (84 % для низшего класса), непосредственно на предприятия (57 %), к родственникам (44 %) и рекламе (40 %) и только потом в государственные службы занятости (25 %), что, по всей вероятности, связано с низкой, по мнению граждан, эффективностью трудоустройства через службы занятости. При этом стоит отметить, что подбор работы через друзей для данной категории населения ведет к консервации их состояния, так как круг знакомых низшего класса в целом не выходит за его пределы, а соответственно и качество работы, которая может быть получена с их помощью соответствует структурным позициям низшего класса.

При этом трудоустройство через государственные службы занятости несколько повышает вероятность стабилизации положения индивидов, так как, с одной стороны, они в ряде случаев проводят обучение и переобучение обратившихся к ним безработных, а с другой стороны, чаще предлагают занятость с набором минимальных социальных гарантий. Таким образом, государственная политика в сфере занятости построена в большей

степени на принципах континентальной модели социальной политики: минимум гарантий хронически безработным с предоставлением механизмов трудоустройства и получения образования тем, кто демонстрирует некоторую активность. Однако в условиях низкой функциональной грамотности населения и территориальной недоступности служб занятости для значительной части низшего класса, проживающего в сельской местности, а соответственно, и ограниченности возможностей использования предоставляемых механизмов государственной поддержки, эффект такого рода социально-экономической политики в российских условиях достаточно низок. При этом среди тех, кто находится без работы длительное время, происходит консервация состояния принадлежности к низшему классу.

Государственная социально-экономическая политика как инструмент торможения процесса воспроизводства и расширения низшего класса

В условиях низкой эффективности реализуемой социальной политики гуманитарного и компенсаторного характера для торможения процесса формирования низшего класса в России все острее стоит проблема его самовоспроизводства и расширения. Особую остроту ей придает то, что большая часть (и год от года все большая часть) малоимущего населения, которое рискует «сползти» в состав низшего класса, состоит из экономически активного населения (60,2 % в 2004 и 61,4 % в 2008 году) и даже занята в экономике (58,1 % в 2004 и 59,7 % в 2008 году).

Предотвращение воспроизводства низшего класса, то есть стимулирование восходящей социальной мобильности не столько его представителей, сколько их детей, по большей мере может быть осуществлено за счет выполнения инвестиционных функций социально-экономической политики. Их реализация, в первую очередь, сопряжена с инвестированием в человеческий капитал населения. В современной России государством обеспечены различные инструменты для этого. Неотъемлемым элементом государственной поддержки в данной сфере является предоставление бесплатного медицинского обслуживания и образования – двух основных элементов развития человеческого капитала. При этом для купирования процесса воспроизводства низшего класса особенно значим второй аспект инвестиционной политики.

В связи с этим стоит отметить, что в период с 2005 по 2008 год охват детей программами начального и основного общего образования (удельный вес численности обучающихся 1–9 классов в численности детей в возрасте 7–15 лет) вырос с 91 до 99 % [Официальный сайт...], что свидетельствует о повышении включенности в первую очередь детей низшего класса в систему общего образования. Однако вызывает некоторое опасение тот факт, что в период экономического кризиса (с 2008 по

2009 годы) резко увеличилась численность детей, которые никогда не обучались в образовательных учреждениях по причине низкого материального положения родителей (с 55 до 115), а также выбыли из учреждений, реализующих общеобразовательные программы, и не продолжают обучение (с 6 336 до 8 199 человек).

Члены домохозяйств низшего класса реже остальных обучаются в вузах (6 % из домохозяйств ядра, 13 % низшего класса и 24 % домохозяйств остальных трудоспособных россиян). Чаще их можно встретить в средних специальных учебных заведениях – 14, 11 и 9 % соответственно. Это свидетельствует о том, что через тип получаемого образования в значительной мере происходит транслирование социального статуса родителей. При этом в случае ориентации на высшее образование в 63–68 % случаев все домохозяйства несут затраты на оплату обучения, экзаменов и зачетов, занятий с преподавателями, подарков педагогам и т. п. Домохозяйства из числа низшего класса в 1/3 случаев несут соответствующие траты при обучении их членов в средних специальных учебных заведениях, а остальное население – более чем в половине случаев. Соответственно, можно предположить, что один из факторов выбора в пользу среднего специального образования для членов семьи низшего класса выступает меньшая необходимость затрат дополнительных материальных ресурсов по сравнению с высшим образованием. Для слома этой тенденции существуют также такие механизмы социальной поддержки, как образовательные кредиты, однако они еще не приобрели широкого распространения, тем более – в среде низшего класса. Лишь 20 % домохозяйств низшего класса (21 % для ядра низшего класса) в течение 12 месяцев перед опросом РМЭЗ 2008 года брали кредиты. При этом только 3 % этих заемщиков (2 % для ядра) брали образовательный кредит. Наиболее популярными типами кредитов для низшего класса являются товарные кредиты (для 61 % заемщиков из низшего класса, 72 % его ядра) и потребительские кредиты наличными (27 и 23 % соответственно). Характер получения заемных средств в среде остального населения примерно такой же: половина из 27 % заемщиков брали кредит на товары в магазине, а 1/3 – потребительские кредиты, кредитом на образование воспользовались только 3 % заемщиков.

Современная социально-экономическая политика предоставляет также такие механизмы стимулирования восходящей социальной мобильности низшего класса, в том числе через систему образования, как социальные налоговые вычеты – возврат уплаченного (или неуплаченного) налога на доходы физических лиц, в том числе при использовании платных услуг образования (а также лечение, приобретении жилья). Однако использование этого инструмента требует определенной функциональной грамотности. Еще более высокий ее уровень необходим при реализации возможностей, предоставляемых такой мерой, как выделение

материнского капитала, который также может быть направлен на обучение детей, поэтому они мало распространены в низшем классе.

В целом социальная политика в отношении низшего класса на частном, приватном (private) уровне способна решать в основном функции социальной поддержки, в то время как процессы воспроизводства и увеличения численности низшего класса могут купироваться только посредством мероприятий государственной, публичной (public) социально-экономической политики.

Реализуемая сегодня в России социально-экономическая политика, не формулирующая в качестве одной из своих задач предотвращение формирования низшего класса на базе бедных и малообеспеченных слоев населения, способствует воспроизводству низшего класса, хотя и сдерживая отчасти его превращение в андеркласс, так как предоставляет возможности бесплатного общего образования, реализует гуманитарные и компенсаторные функции в доступной форме. Поддержка, реализуемая в рамках социально-экономической политики в современной России, по большей мере направлена на функционально грамотное население, доля которого в составе низшего класса очень мала. Радикально изменить сложившуюся ситуацию смогут меры не столько собственно социальной, сколько экономической и социально-экономической политики: структурные реформы в экономике с ростом в ней рабочих мест с гарантированным соблюдением базовых трудовых гарантий; регулирование рынка труда с установлением почасовых тарифов оплаты труда и жесткого контроля за их соблюдением, снижением доли теневой занятости; развитие инструментов, обеспечивающих доступ молодежи из малообеспеченных семей к системе образования на всех ее ступенях – предоставление льгот, субсидий, упрощение системы соответствующих форм кредитования, развитие и институционализация возможностей получения образования по целевым направлениям от предприятий, в том числе и в учреждениях среднего профессионального образования; расширение зоны реального функционирования служб занятости, в том числе в сельскую местность, и обеспечение возможностей внутренней трудовой миграции.

Список литературы

Кларк Д. За рамками государственного и частного? Трансформация смешанной модели благосостояния // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 2. С. 151–168.

Козырева П. М., Косолапов М. С., Сваффорд М. С. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. Т. VIII. № 3. С. 153–172.

Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008.

Официальный сайт Российской федеральной службы государственной статистики (ГКС) // http://www.gks.ru/free_doc/new_site.

Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.

Тихонова Н. Е. Низшие классы в России: теоретические и методологические предпосылки анализа // Общественные науки и современность. 2010 (а). № 4. С. 26–36.

Тихонова Н. Е. Особенности российского низшего класса // Общественные науки и современность. 2010 (б). № 5. С. 31–44.

Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Оценка эвристических возможностей абсолютного и относительного подхода к бедности в российских условиях // Социология. 2011. № 35. В печати.

Bullen E. & Kenway J. Subcultural Capital and the Female ‘Underclass’? A Feminist Response to an Underclass Discourse // Journal of Youth Studies. 2004. Vol. 7. № 2. June. P. 141–153.

Buckingham A. Is there an underclass in Britain? // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. Issue 1. March.

Daguerre A. The second phase of US welfare reform, 2000–2006: Blaming the poor again? // Social Policy and Administration. 2008. Vol. 42. Issue 4. August. P. 362–378.

Domanski H. Is the East European “underclass” feminized? // Communist and Post-Communist Studies. 2002. № 35 (4). P. 383–394.

Murray C. The Emerging British Underclass. L.: Institute of Economic Affairs, 1990.

Nathan R. P. Institutional Change and the Challenge of the Underclass // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1989. Vol. 501. P. 170–181.

Prideaux S. J. The welfare politics of Charles Murray are alive and well in the UK // International Journal of Social Welfare. 2010. № 19. P. 293–302.

Stenning A. Where is the Post-socialist Working Class? Working-Class Lives in the Spaces of (Post-)Socialism // Sociology. 2005. Vol. 39 (5). P. 983–999.

Wilson W. The Truly Disadvantaged. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Юлия Павловна Лежнина

канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социально-экономических систем
и социальной политики НИУ ВШЭ, Москва

электронная почта: jlezhnina@gmail.com
